

И.П. БУСУРКИНА

Студентка

Институт философии

Санкт-Петербургский государственный университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФЕНОМЕНА ЮРОДСТВА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ: ВЫТЕСНЕНИЕ ИЗ ПУБЛИЧНЫХ ПРАКТИК И РЕАКТУАЛИЗАЦИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ

Смысл и значение того или иного феномена культуры может значительно трансформироваться в зависимости от парадигмы развития общества. Цель статьи – проследить путь деактуализации первоначального смысла юродства из публичных практик и его реактуализацию (переосмысление) в литературе. Таким образом, юродство рассматривается как маргиналия, вытесненная из культурной практики в связи с утерей своих функций.

Ключевые слова: юродство, отчуждение, маргиналия, русская литература, смеховой мир, похаб, святость, публичные практики, феномен культуры, народная религиозность.

Работа выполнена при поддержке Гранта РФ №14-18-00192, СПбГУ.

I.P. BUSURKINA

Student

Institute of Philosophy

Saint-Petersburg State University

TRANSFORMATION OF THE PHENOMENON OF BEING A FOOL FOR GOD'S SAKE IN RUSSIAN CULTURE: DISPLACEMENT FROM PUBLIC PRACTICE AND REACTUALIZATION IN LITERATURE

The meaning and significance of a cultural phenomenon can be substantially transformed depending on the paradigm of social development. The purpose of the article is to trace the path of deactualization of original meaning of foolishness for God's sake in public practice and its reactualization (reconsideration) in literature. Thus, foolishness is seen as marginal phenomenon, repressed from cultural practice because of the loss of its functions.

Keywords: fool for God's sake, alienation, marginalia, Russian literature, laughter world, bawdy, holiness, public practices, phenomenon of culture, demotic religiosity.

This work was supported by Grant RNF №14-18-00192, SPBU.

Смысл и значение того или иного феномена культуры может значительно трансформироваться в зависимости от парадигмы развития общества. Юродство выбрано автором в качестве объекта для исследования как яркий пример того, как система власти, религии и публичных практик XVII – XX вв. изменила значение юродства в диапазоне от высшего христианского подвига до образа шута и безумца. Под влиянием социокультурных изменений, концепт юродства утрачивает определённую, однозначность образа и понятия, и приобретает множество новых оттенков и смыслов. Сейчас слова «юродивый» и «юродствующий» в русском языке приобрели негативную коннотацию, ассоциируясь со стереотипным образом сумасшедшего либо дурачка, на чьи дерзкие и непонятные выходки не стоит обращать внимания. Однако, сам тот факт, что при упоминании об этом феномене только русские могут без дополнительных пояснений понять, о чём идет речь, является ярким примером того, насколько важно и укоренено данное явление в нашей культуре.

В зависимости от подхода, разные ученые понимали феномен юродства по-своему, предлагая соответствующие интерпретации.

Например, русский философ и основоположник богословия культуры, Федотов Г.П. даёт ему следующие «характеристики: 1) аскетическое поприще тщеславия, принимающее форму безумия или безнравственности с целью «поношения от людей»; 2) выявление противоречия между Христовой правдой и моральным законом с целью «посмеяния миру»; 3) служение миру своеобразной проповедью, совершаемой не словом и не делом, а силой Духа, духовной властью личности юродивого, наделённого даром пророчества». [3; С. 782-783].

Исследователи А.Р. Андреев и С.А. Шумов утверждают, что «юрродство – это добровольное безумство, а помешательство – реальное. Под маской «безумства» можно было вести политическую агитацию в пользу или против какой-либо политической идеологии» [1; С. 253]. Смелость в критике властей и существующего миропорядка, умение проричать через неясные фразы – всё это снискало уважение народа.

Согласно положению А.М. Панченко, юродство имеет внутреннюю и внешнюю сторону. Внешняя сторона «связана с агрессивным, «бесовским» поведением безумца, которым юродивый высмеивал мирские пороки» [10; С. 89]. Сознательно творя похабства и бесчинства, провоцируя насмешки и гонения, он умирал свою гордыню. Двойственность же юродства заключается в балансировании между святостью и смеховым миром (скоморошеством, шутовством).

Отвечая на это положение, С. А. Иванов возражает: «Что же касается шута, с которым чаще всего и сопоставляют юродивого, то как раз их сходство весьма поверхностно: да, оба живут в вывернутом, ненастоящем

мире, оба не могут состояться без зрителей. Но при этом шут – часть толпы, а юродивый даже в городской сутолоке совершенно один; шут весь в диалоге, а юродивый принципиально монологичен; шут погружен в праздничное время, а юродивый – вне времени; шутовство сродни искусству, а юродство искусству чуждо» [6; С. 16].

И.А. Есаулов рассматривает юродство как радикальное по своей сути отвержение «здешнего мира» и его ценностей; «юродивый ругается миру именно потому, что мир не просто «во зле лежит», но ещё и духовно мертв, полагая что он жив» [5; С. 155].

Таким образом, юродство по своим проявлениям может рассматриваться в разных контекстах: с позиции православной традиции или же светской культуры эпохи Просвещения.

Здесь следует отметить, что несмотря на схожесть данного явления с другими формами подвижничества, в том числе в языческой среде, юродство существует в первую очередь в рамках христианской традиции, а в основе подвига юродства лежат христианские ценности. В православной традиции юродство считается одним из тяжелейших подвигов, так как требует добровольного принятия на себя образа безумного, «похаба», полного самоотречения и самоуничижения. Такая стратегия поведения фигурирует в агиографической литературе, подчёркивая их отшельничество, театральность поведения, косноязычие, стремление до конца жизни скрывать свой подвиг. Юродивый добровольно нищенствует, сносит ругательства и издевательства, чтобы тем самым побороть свою гордыню.

В традиции светской на первый план выходит психологическая составляющая поведения: приёмы намеренной театральности поведения и стремления к зрелищности служат для прилюдного обличения. «Цель таких действий – привлечение внимания, эпатаж, принуждение смотреть» [14; С. 59].

Тем не менее, в обоих случаях задача юродивого – показать, что очевидное обманчиво; однако в первом случае он вкладывает в свои слова пророческий смысл, а во втором – высмеивает «благочестие как таковое, в земном его понимании» [7; С. 179]. На сегодняшний день, в нашем языке превалирует второй смысл юродства.

К моменту пика своего развития в XVI веке, юродство на Руси стало важным элементом в культурном пространстве, в своей полноте присущим лишь русской традиции. Юродство как институт сложилось на Руси одновременно с самодержавием, и это не случайное совпадение. По всей видимости, похабы воспринимались народом как ниспосланные свыше обличители власти.

Кризис данного явления пришёл на третью четверть XVII века, на чём следует остановиться подробнее. Многие исследователи отмечают, что основным катализатором «угасания» феномена юродства являются гонения

со стороны власти и церкви. На наш взгляд, проблема мыслится шире – более глубокая причина заключается в изменении самих публичных практик. По мере утраты религиозных мотиваций в культуре Нового времени, юродство теряет свой изначальный смысл. В секулярной, светской культуре, прежнее отношение и почитание юродивых невозможно. Уже с конца XVII века юродство перестает быть цельным явлением в народном сознании. Массово оно уже не встречается с конца XVII века или заменяется другими формами подвижничества.

ЦЕРКОВНЫЙ ДИСКУРС.

Несмотря на то, что вплоть до начала XX в. явление юродства было достаточно распространено и почитаемо в русской культуре, уже начиная с XVII в. со стороны церкви и власти начались преследования. Постепенно юродство стало пропадать из общественной практики, и, соответственно, канонизаций проводилось крайне мало. Согласно Г.П. Федотову, юродивые не были частью «уставного благочестия, обрядового исповедничества» [12; С. 251].

О причинах этих гонений исследователь Я.В. Янгулова выдвигает несколько гипотез. Первая состоит в том, что церковь прилагала все усилия, чтобы доступ к святому был заключен в строгие рамки обрядовости. Вторая гипотеза касается структурных изменений внутри церкви. «Имеется в виду раскол конца XVII в. и появление в XVIII в. бюрократизированного Синода. Церковь на Соборе 1666/67 г. официально осудила «лжеюродство» в специальном каноне, под который могло попасть любое юродствование. Однако, главной чертой «похабов» Собор назвал не социальный протест, а приживальство во дворах «знакомых», то есть знатных особ» [15; С. 192]. Последнее предположение касается института светской власти, для которого поведение юродивых стало неприемлимым.

Нет ничего удивительного в том, что в начале XVIII в. слово «похабный» приобретает оттенок крайне неприличного, постыдного и грязного. По тем же причинам слово «уродовать» стало означать «портить, делать безобразным».

ДИСКУРС ВЛАСТИ

«Регулярное государство» XVIII в. все больше вытесняло юродивого либо в сторону старообрядческих общин или сект, либо под покровительство богатых домов. Официально гонения на юродивых были закреплены в реформах о маргинальных слоях населения. Тем самым, «реформы Петра I создали новое измерение юродства – административное. В обществе с четко артикулированной властью, основным принципом жизни которого провозглашалась рациональность, безумие было непростительным грехом не

столько потому, что это было *плохо*, сколько потому, что это было *непродуктивно*, не приносило никакой пользы. Если ранее юродство наделялось сакральными чертами, то теперь оно приобретает форму праздности» [15; С. 201].

Культурное расслоение послепетровского общества навсегда оставило юродивого в «народной», низовой жизни. «Канонизации были отменены, а подозрение в «лжеюродстве» (приставкой «лже-» власти защищались от возможных упреков в богоборчестве) немедленно влекло за собой полицейские меры» [6; С. 332]. На протяжении всей первой половины XVIII в. длились притеснения, и только во времена Екатерины II практически прекратились.

Разумеется, почитание юродивых не могло пресечься сразу, будучи вписано в народную традицию. Однако, многие агиографические описания «похабов» XVII века, из-за начавшихся гонений, так и не были написаны.

ИЗМЕНЕНИЕ ПУБЛИЧНЫХ ПРАКТИК

Семнадцатое столетие становится переломным периодом в истории юродства – помимо гонений на «похабов» со стороны властей, в народном сознании происходит слияние юродства с другими феноменами, например, скоморошеством. Тем самым, образ юродивого утрачивает свой первоначальный смысл, а его элементы наследуют другие феномены. Статус социального протеста лишил феномен юродства специфики подвига. Тем самым, юродство было снова вытеснено мученичеством. Признаком вырождения явилось то, что к юродивым стали причислять различного рода умалишенных, которым вменяли в благость их безумие (отсюда появилось выражение «благоугодивый»).

Политические и общественные деятели начали эксплуатировать легко узнываемый образ юрода для достижения своих собственных интересов. Ярким примером послужило юродство Аввакума и окружающих его старообрядцев, предпринявших попытку снискать традиционную неприкосновенность и славу юродивых. К тому времени юродствование приобрело форму клише, но главный идеолог Раскола ломает и оживляет этот образ: он юродствует искренне, и, в то же время, делает это расчетливо, обдуманно.

АКТУАЛИЗАЦИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ

Повседневная жизнь России весь XIX в. была наполнена бродячими юродивыми, кликушами, безвредными слабоумными и блаженными. В высших кругах появилась своеобразная мода на то, чтобы давать им приют в богатых домах, что отражено, например, в трудах Л.Н. Толстого. Повести Н.С. Лескова и М.Е. Салтыкова-Щедрина красочно отразили это время.

Высшее духовенство и интеллигенция относились к народному почитанию похабов с нескрываемым презрением, считая их обманщиками и полумными. В правдоподобных фельетонах середины XIX в. авторства Ивана Прыжкова описываются московские притворные святые, которые умело пользуются авторитетом своих предшественников: например, «когда «отца Андрея» застали за поеданием колбасы, он сослался на Симеона Эмесского, а пойманный за блудом со служанкой, заявил: «Не озорничаю, а искушаю» [6; С. 326].

В то время как юродивость в секулярном обществе перестаёт играть такое важное значение, интерес к нему писателей и публицистов только возрастает. В конце XIX – начале XX века наблюдается небывалый интерес к данному феномену, вызвавший дискурсивный взрыв в литературе. Вытесненный элемент культуры послужил источником множества творческих сюжетов, которые реактуализировали предыдущий культурный опыт, но уже в ином качестве. Возможно, такой интерес к народной религиозности был связан с явлением «народничества» и потребностью в переосмыслении духовного наследия русской культуры. Тем более, что, начиная с XIX в., феномен юродства представилось возможным описать в художественной литературе. Тем самым, «стало возможно появление других объяснений юродства, альтернативных христианскому» [15; С. 200]. В XIX веке в искусстве окончательно утвердился образ юрода-обличителя, представ в качестве стереотипа для тиражирования и подражания.

Одним из самых известных образов является смелый и безнаказанный юродивый, обличающий Бориса Годунова в одноименной драме Пушкина. В произведении народ безмолвен, тогда как сам образ юродивого становится символом свободы. «В самом деле, не пойти ли мне в юродивые, авось буду блаженнее!» – высказывается Пушкин о своей повести «Борис Годунов». Далее он продолжает: «Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию, навряд ли... никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!» [11; С. 181].

Анализируя примеры из литературных интерпретаций, литературовед И.В. Мотеюнайте выделяет «набор признаков, оказавшихся обязательным для героя, называемого автором «юродивый». Это особая связь с божественным началом и народной культурой, поведенческая и речевая выразительность, странничество и тотальное одиночество героя, отвергаемого миром, неоднозначность восприятия его людьми (святой/сумасшедший). Ни одна из этих черт не является уникальной и специфичной именно для героя-юродивого, но взятые вместе, они определяют его образ в литературе» [9; С. 19]. По мнению автора, «чудесные способности юродивого для авторов XIX века, создающих образы действительно святых подвижников, далеко не обязательны. Более важными для них стали черты, свидетельст-

вующие о человеческом мужестве в христианском служении. Первым был пушкинский Николка, в исторических романах М.Н. Загоскина и А.К. Толстого мы наблюдаем продолжение этой традиции: оба автора не развивают мотив сверхъестественных способностей в создании образа (хотя и отмечают их), зато акцентируют совесть, честность, благородство души, бесстрашие. Их юродивые являются высоким примером христианского образа жизни как нравственного, этически безупречного. В их образах устойчивы мотивы страдания, аскетичности, нестяжания – т.е. свидетельствующие об исполнении христианских заповедей. Эти литературные образы иллюстрируют доминирование этики над мистикой в восприятии юродства писателями» [9; С. 20].

С.А. Иванов приводит такой пример: «у Достоевского в «Братьях Карамазовых» юродивыми в разных контекстах именуется восемь персонажей, и половина из них, в классической терминологии, таковыми не являются: Лизавета Смердящая – безвредная сумасшедшая, она ничего не симулирует, так что здесь мы имеем дело с дополнительным смысловым расширением; когда к юродивым причисляют старца Зосиму, Алешу или Ивана Карамазовых, это слово используется как бранный эпитет. Из оставшихся четырех персонажей первые двое – «религиозные» юродивые, а вторые – «светские»: монахи Варсонофий и Ферапонт юродствуют сознательно, ориентируясь на старинные житийные образцы; Федор Павлович Карамазов – юродствующий шут; штабс-капитан Снегирев фиглярствует от униженности» [6; С. 10].

Во многом образ юродивого в литературе предопределен нравственными и религиозными поисками самого автора, и приводит к достаточно широкому толкованию данного явления.

Рождённый в эпоху крушения религиозных и этических основ прошлого, Бунин выражает в своем творчестве переживаемый им кризис веры. Свои сомнения и душевные метания он переносит на образ юродивого, подвергая сомнению его святость, не стремясь идеализировать его подвиг. «Особое место занимают в творчестве Бунина занимают лжеюродивые, получившие резко негативную оценку («Над городом» (1900), «Птицы небесные» (1909), «Деревня» (1909-1910), «Суходол» (1911) и др.)» [13; С. 272].

Произошедший после революции слом идеалов и религиозных убеждений болезненно отразился в творчестве В.М. Шукшина и Б.А. Пильняка. «На смену вере в Бога пришёл атеизм, а вера в «светлое будущее» стала связана с политическими идеями, что привело к появлению нового типа юродивого – юродивого «ради новой жизни». А в персонажах, в чём-то близких к юродивым «Христа ради», сохранилась лишь агрессия, жажда обличения и «обязанность ругаться миру» [8; С. 20].

В случае с Платоновым, черты юродствования красной нитью проходят через все его творчество. «Манера и стиль Платонова характеризуются в критике конца 1920х – 1940-х гг. с помощью формул: «мрачная эстетика», «юродствующий писатель», «мироощущение нищего сироты и бродяги» [4; С. 62]. Всеми гонимые и презираемые герои произведений «Чевенгур» и «Котлован» мало похожи на настоящих юродивых, в них нет театральности или стремления «ругаться миру». Однако, жизненное поведение и способ мышления героев позволяют рассматривать их как своего рода «ментальных» юродивых.

Юродствование становится присуще не только литературным героям, но и становится стратегией поведения для некоторых писателей. «В нашей литературе замечается одно курьезное явление: высказывание время от времени юродивых и кликуш <...> Юродство и кликушество, кажется, вообще составляют одну из характерных черт русской жизни», – писал критик В. П. Буренин в 1895 г., имея в виду Розанова [2; С. 16]. Примечательно, что помимо Розанова, он назвал юродивыми поэтов-декадентов В. Брюсова и А. Добролюбова, приписывая им «чистейшее литературное сумасшествие». Нельзя, разумеется, не принимать во внимание и социокультурных установок эпохи, определяющих игру как культурную доминанту. «Литературные маски» Розанова, «почти приросшие к лицу», – это одна из закономерностей эпохи на рубеже веков, когда игровые установки определяли стратегию поведения.

Черты юродства исследователи видят также в текстах и особом, «знаковом» поведении Д. Хармса, М. Волошина, Вел. Хлебникова. В работах И.А. Есаулова мы встречаем примеры из сочинений А.Ф. Лосева, которые автор также относит к характеру юродивого. Характерная стратегия поведения юродивого отмечается в произведении «Москва-Петушки» В. Ерофеева.

Таким образом, феномен юродства подвергся значительной трансформации под влиянием изменений в системе власти, религии и публичных практик, таких как: общая секуляризация культуры, рационализация общественной жизни, государственные и религиозные реформы, направленные на искоренение маргинальных элементов, дискредитация подвига лжеюродивыми и сумасшедшими. Однако, несмотря на то, что канонический юродивый был вытеснен из публичных практик как маргинальный элемент, он продолжал и продолжает жить в русском самосознании. Наиболее ярко новый образ юродивого проявился в литературе, обогатив данный феномен новыми смыслами и значениями, а также породив особый тип поведения самих писателей. Как и любое укорененное явление в культуре, его развитие способствует дальнейшему воспроизводству новых значений и смы-

слов в культуре. Поэтому рассматривать феномен юродства с позиции «маргиналия-консервация-развитие» крайне продуктивно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А.Р., Шумов С.А. Шийты, сунниты, дервиши: вечные тайны ислама: сб. / сост. А.Р. Андреев, С.А. Шумов. – М.: Эксмо: Алгоритм. – 2005. – 416 с.
2. Буренин В.П. Критический очерки. Литературное юродство и кликушество // В.В. Розанов: pro et contra. СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 1995. – Книга 1. – 505 с. – (Русский путь).
3. Гусейнов А.А. Этнос религиозного подвижничества: аскетизм, святость, юродство / История этических учений: Учебник для вузов / Под ред. А.А. Гусейнова. – М.: Академический проект; Трикста., 2015. – 879 с. – (Концепции).
4. Дырдин А.А. Юродство в тезаурусе Андрея Платонова. Перспективы изучения // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2011. – № 9.
5. Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ – 2004. – 560 с.
6. Иванов С.А. Блаженные похабы. М.: Языки славянских культур. – 2006. – 452 с. – (Sudia historica).
7. Иванов С. А. Византийское юродство. М.: Международные отношения. 1994. – 240 с.
8. Мартиросян О.А. Юродство в русском литературном сознании [текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. фил. наук (10.01.01) / Мартиросян Ольга Александровна; СФУ им. Ломоносова. – Архангельск, 2011. – 22 с.
9. Мотеюнайте И.В. Восприятие юродства русской литературой XIX-XX веков. Псков, 2006 – 304с.
10. Панченко А.М. Смех как зрелище // Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. – Л. – 1984. – 295 с.
11. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, М.; Л., 1949.
12. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М.: Московский рабочий, 1990. – 272 с.
13. Хазова М.А. Юродство в творчестве И.А. Бунина: к вопросу о реализации темы безумия в русской литературе конца XIX - начала XX века // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 5.
14. Юрков С.Е. Православное юродство как антиповедение / Юрков С. Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI-начало XX вв.). СПб., 2003. – 210 с.
15. Янгулова Л. В. Юродивые и умалишенные: генеалогия инкарцерации в России // Мишель Фуко и Россия. Сборник статей под редакцией Хархордина, с.192-213.

TRANSLIT

1. Andreev A.R., Shumov S.A. Shiity, sunnity, dervishi: vechnye tajny islama: sb. / sost. A.R. Andreev, S.A. Shumov. – М.: Jeksmo: Algoritm. – 2005. – 416 s.
2. Burenin V.P. Kriticheskij ocherki. Literaturnoe jurodstvo i klikushestvo // V.V. Rozanov: pro et contra. SPb.: Izdatel'stvo Russkogo Hristianskogo Gumanitarnogo Instituta, 1995. – Kniga 1. – 505 s. – (Russkij put').
3. Gusejnov A.A. Jetos religioznogo podvzhnichestva: asketizm, svjatost', jurodstvo / Istorija jeticheskikh uchenij: Uchebnik dlja vuzov / Pod red. A.A. Gusejnova. – М.: Akademicheskiy proekt; Triksta., 2015. – 879 s. – (Konceptcii).
4. Dyrdin A.A. Jurodstvo v tezauruse Andreja Platonova. Perspektivy izuchenija // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij. – 2011. – № 9.
5. Esaulov I.A. Pashal'nost' russkoj slovesnosti. М.: Krug# – 2004. – 560 s.
6. Vanov S.A. Blazhennye pohaby. М.: Jazyki slavjanskih kul'tur. – 2006. – 452 s. – (Sudia historica).

7. Ivanov S. A. Vizantijskoe jurodstvo. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija. 1994. – 240 s.
8. Martirosjan O.A. Jurodstvo v rusckom literaturnom soznanii [tekst]: avtoref. dis. na soisk. učen. step. kand. fil. nauk (10.01.01) / Martirosjan Ol'ga Aleksandrovna; SFU im. Lomonosova. – Arhangel'sk, 2011. – 22 s.
9. Motejunajte I. Vosprijatie jurodstva rusckoj literaturoj XIX-XX vekov. Pskov, 2006 – 304 s.
10. Panchenko A.M. Smeh kak zrelishe // Lihachev D.S., Panchenko A.M., Ponyrko N.V. Smeh v Drevnej Rusi. – L. – 1984. – 295 s.
11. Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenij, M.; L., 1949.
12. Fedotov G.P. Svjatye Drevnej Rusi. M.: Moskovskij rabochij, 1990. – 272 s.
13. Hazova M.A. Jurodstvo v tvorcestve I.A. Bunina: k voprosu o realizacii temy bezumija v rusckoj literature konca XIX - nachala XX veka // Učenyje zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki. – 2012. – № 5.
14. Jurkov S.E. Pravoslavnoe jurodstvo kak antipovedenie / Jurkov S. E. Pod znakom groteska: antipovedenie v rusckoj kul'ture (XI-nachalo HH vv.). SPb., 2003. – 210 s.
15. Jangulova L. V. Jurodivye i umalishenye: genealogija inkarcercii v Rossii // Mishel' Fuko i Rossija. Sbornik statej pod redakciej Harhordina.